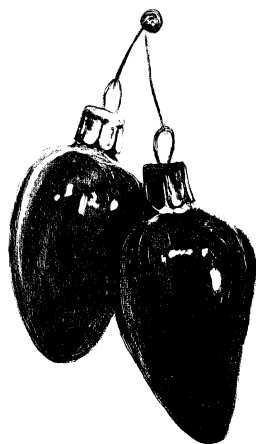

ДЖЕННИФЕР РОУ

чай, кофе
и убийства

ДЖЕННИФЕР РОУ

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ УБИЙСТВА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(94)
ББК 84(8Авс)-44
Р79

Серия «Чай, кофе и убийства»

Jennifer Rowe

DEATH IN STORE

Перевод с английского *Е. Ильиной*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора
при содействии литературного агентства
Autor Rights Agency.

Роу, Дженнифер.

Р79 Рождественские убийства : [сборник] / Дженнифер Роу ; [пер. с англ. Е. Ильиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 256 с. — (Чай, кофе и убийства).

ISBN 978-5-17-102215-0

Во время рождественской вечеринки погибает пожилой богач, только что женившийся на молодой охотнице за наследством...

На дальней ферме находят задушенной хозяйскую жену, и все обвиняют в убийстве деревенского дурачка-работника...

Прямо среди бела дня в торговом центре обнаруживают тела актера в костюме Санта-Клауса — любимца ребятшек — и фотографа, снимавшего его с детишками...

Самые занятные дела Верити Бердвуд — в замечательном сборнике рассказов Дженнифер Роу!

УДК 821.111-312.4(94)
ББК 84(8Авс)-44

© Jennifer Rowe, 1993
© Перевод. Е.А. Ильина, 2017

ISBN 978-5-17-102215-0

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Запретный плод

Как и всегда накануне Рождества, сержант уголовной полиции Дэн Тоби остался наедине с призраками прошлого. Он вспомнил, как проводил сочельник в жарко натопленном доме родителей жены. На стол подавали традиционную жареную индейку и пудинг. На присутствующих были бумажные шляпы, оставлявшие пятна краски на потных лбах. Дэн всегда представлял Дэвида девятилетним мальчиком, а Эвелин оставалась все такой же очаровательной, радушной и еще не уставшей от его работы, постоянного беспокойства и, в конечном итоге, от него самого. В украшенном яркими огоньками доме пахло хвоей и фруктовым пирогом. Царило предпраздничное настроение, отчего юного Дэвида переполняло небывалое возбуждение; по телевизору транслировались рождественские передачи; Дэн с женой спешно запаковывали последние подарки.

Тоби отодвинулся от потертого стола, окинул взглядом опустевшее помещение и задумался о планах на сочельник. Впрочем раздумья длились недолго. Да и о чем тут думать? Ни жены, ни ребенка, нет рождественской ели, не будет праздничного обеда с тестем и тещей. Хотя все, в общем, не так уж и плохо. Завтра утром позво-

нит Дэвид, живущий теперь... кажется, во Франкфурте. А потом Тоби отправится в горы к брату Саймону, как делал это на протяжении многих лет. Проведет несколько дней на лоне природы, отдыхая от повседневной рутины. Ему наверняка там понравится. В прошлое Рождество Тоби дежурил. Все ему сочувствовали, а он с обреченным видом ворчал в ответ. Хотя в глубине души был рад такому повороту событий. Но на этот раз ему придется встретиться с призраками прошлого лицом к лицу — не слишком радужная перспектива.

Тоби принялся с неохотой перебирать бумаги в попытке навести на столе хоть какой-то порядок. Рабочий день закончился час назад, так что у Тоби не было причины задерживаться в офисе, который он в последнее время часто использовал в качестве убежища. Люди скоро начнут замечать его одиночество и станут сочувствовать. Эта мысль заставила Тоби вскочить со стула, хлопнуть себя по карманам в поисках ключей, кошелек и выключить настольную лампу. Пора убираться отсюда, да побыстрее.

Тоби с неохотой ответил на приветствия оставшихся на дежурстве сослуживцев и направился к лифту.

— Всего хорошего, Дэн! — крикнула ему вслед одна из сотрудниц. — Веселого Рождества!

Веселого Рождества.

Кто-то прилепил к кнопке вызова лифта пластиковую веточку омелы. Неплохой сюрприз, но воспользоваться им смог бы лишь карлик. Дэн мрачно нажал на кнопку, и почти в то же самое мгновение двери лифта разъехались в сторо-

ны. Погруженный в свои мысли, он шагнул внутрь и едва не столкнулся с невысокой худощавой дамой, выходящей из лифта.

— О господи! — Тоби опустил глаза. — Берди, что ты здесь делаешь?

— Ищу тебя, — небрежно бросила та в ответ.

Двери лифта начали закрываться, и оба поспешно зашли в лифтовую кабину. Тоби удивленно посмотрел на свою попутчицу.

— Решила узнать, не захочешь ли пропустить по стаканчику, — пожала плечами Верити Бердвуд. — Подумала, тебе нужна компания. Ведь сегодня сочельник.

— Заняться нечем? — усмехнулся Тоби и удивился, насколько обрадовала его эта неожиданная встреча.

Женщина вновь пожала плечами и устремила взгляд на двери.

А ведь Тоби уже вознамерился в полном одиночестве вернуться в свою темную душную квартиру, прихватив по дороге какой-нибудь еды, и усесться перед телевизором вместе с призраками прошлого. Коллеги наверняка начнут подтрунивать, если кто-нибудь увидит его в компании этой странной маленькой особы, возомнившей себя сыщиком. Тоби подумал, что Берди явилась не просто так. Наверняка хочет выудить у него какую-нибудь информацию или заглянуть в документы, о существовании которых не должна была знать. Словом, вознамерилась сделать то, что непременно навлечет на его голову неприятности. Но потом он представил, как проведет пару часов в шумном,

ярко освещенном заведении за столом со стаканчиком вина и тарелкой еды, глядя в эти умные янтарные глаза, спрятавшиеся за толстыми линзами очков, и широко улыбнулся.

— Почему бы и нет? Бог свидетель, других планов у меня не было.

Берди не ответила. Двери лифта раздвинулись, и она направилась к выходу. Сунув руки в карманы, Тоби медленно двинулся следом. К тому времени как он поравнялся с Берди у массивных дверей, в холле вот уже который раз за день зазвучал известный рождественский гимн «Добрый король Венцеслав».

— Знаешь, мне действительно очень хочется понять, почему все это так тебя интересует, Бердвуд.

От былой немногословности Тоби не осталось и следа. В пабе работал кондиционер, еда оказалась довольно вкусной, кто-то играл на фортепиано, а Берди раздражала его меньше обычного, словно она временно смягчилась в этот вечер в канун грядущего Рождества. Она внимательно слушала воспоминания Тоби о прошлых делах, задавала наводящие вопросы — словом, вела себя так, будто ей действительно было интересно слушать чужую болтовню, вместо того чтобы, по обыкновению, разглагольствовать самой.

— Под «все м этим» ты подразумеваешь дела об убийствах, верно? — холодно спросила Берди. — А почему я не должна ими интересоваться? Ведь тебя это волнует.

— Я, черт возьми, полицейский, — возразил Тоби. — И расследовать убийства — моя работа. А для тебя это всего лишь хобби. Милое и странное.

— В этом-то и состоит проблема, Дэн, — заметила Берди. — Если бы я разгадывала головоломки или увлекалась шахматами, ты бы не считал это странным.

— Наверное, нет. — Дэн покачал головой. После последней кружки пива он почувствовал легкое головокружение, но вновь попытался донести до подруги свою мысль: — Такие преступления связаны со смертью человека. И это не игра, исход которой важен лишь самому игроку. Люди умирают по-настоящему.

Берди развела руками.

— Вот именно, — произнесла она и залпом допила свое пиво.

Тоби с минуту в молчании смотрел на свою собеседницу. Толстые стекла ее очков поблескивали в отсветах ламп.

— Принесу еще, — сказала она и направилась к бару.

— Как это началось? — спросил Тоби, когда Берди вернулась с двумя кружками пива, и озабоченно посмотрел на шапку густой пены. Пиво замечательное, но он выпил столько, что наверняка придется вызвать такси. Если, конечно, удастся найти свободное. — Начиталась в детстве детективов и триллеров?

Берди кивнула:

— О да. Я читала Агату Кристи и другие похожие книги. Я их обожала. Но к тому моменту, когда столкнулась с первым убийством, прочла не так уж много. Впрочем, я была совсем ребенком.

— Неужели?

Берди снова кивнула.

— Всего четырнадцать лет. Я открыла для себя детективы во втором классе средней школы, поэтому у меня не было времени, чтобы...

Дэн откинулся на спинку стула и широко улыбнулся.

— Ты меня разыгрываешь.

— Нет! Вовсе нет! — негодуяще воскликнула Берди. — Это истинная правда. Мне было четырнадцать лет, когда убили нашего соседа. И, если честно, убийцу вычислила я.

— О, не сомневаюсь. — Тоби отхлебнул пива, и по телу разлилось блаженное тепло.

Берди пребывала сегодня в отличной форме. Она воинственно навалилась грудью на стол и сдвинула брови.

— Уверяю тебя, Дэн, это истинная правда. Хочешь услышать, как все было?

— Почему бы нет? Сегодня же сочельник. Идеальный вечер для сказок. — Тоби подпер голову рукой. — Ну, начинай. Когда-то давным-давно...

— Каждый сочельник, когда я была ребенком, — решительно начала Берди, — в одном из домов на нашей улице устраивали вечеринку. Соседи делали это по очереди, но компания из года в год собиралась одна и та же. Каждый приносил с собой еду и напитки, чтобы немного помочь устроителям вечеринки...

— Хорошая старомодная традиция, — перебив Берди, Тоби одобрительно кивнул. — Сейчас нечасто встретишь подобное.

— Мне тоже нравится, — сказала Берди. — Но ты можешь помолчать чуть дольше тридцати секунд?

— О, прошу прощения. Продолжай. Я больше не издам ни звука.

— Прекрасно. Так вот. В большинстве наши соседи были довольно состоятельны и почти никто из них не обзавелся детьми. А на тот момент я была единственным ребенком на всей улице. Мне никогда не нравились эти вечеринки, и я была рада остаться в компании домработницы, которая играла со мной, позволяла долго не ложиться спать и есть всяческие сладости. Когда же я стала старше, мы смотрели телевизор до тех пор, пока не заканчивались трансляции и не наступало Рождество.

Берди бросила взгляд на приятеля, словно ожидала от него комментариев относительно невинных развлечений ее юности, но тот лишь любезно улыбнулся в ответ, и она продолжила:

— Однако сочельник, о котором пойдет речь, отличался от других. Моя мама умерла в тот год, и отец не пожелал оставить меня дома. Хотя теперь я понимаю, что ему просто не хотелось идти на вечеринку одному. Но соседи не оставляли его в покое. Они считали, что не стоит нарушать традицию и, как мне кажется, хотели его подбодрить. Тогда отец позвал меня с собой, и я согласилась, хотя ужасно боялась. Ведь уже в те далекие дни меня нельзя было назвать слишком общительной. И это еще мягко сказано. К тому же я знала, что совершенно не похожа на девочку с рекламы мыла — такую, знаешь, милую и улыбчивую, какой меня представляли соседи. Вместе с тем к моему страху

примешивалось какое-то будоражащее душу предвкушение. На протяжении многих лет я слышала об этих вечеринках и вот теперь могла увидеть все собственными глазами. Соседи соревновались друг с другом, каждый год стараясь сделать так, чтобы их украшения и рождественская ель были самыми красивыми. Конечно же, мне хотелось на это посмотреть. А еще меня привлекало угощение, ведь каждый приносил свое рождественское блюдо. И все же главной причиной моего возбуждения послужили сплетни о Сладком Уильяме и Пичес Макгуайр, не раз долетавшие до моих ушей, так что...

— Подожди-ка, — Тоби всплеснул руками, как если бы не поверил собственным ушам, — повтори имена еще раз.

— Пичес Макгуайр, — холодно повторила Берди, — и Сладкий Уильям. Пичес жила по соседству с нами в огромном доме, похожем на дворец. Белокурая и невероятно женственная, она обладала идеальной, розовой, как у младенца, кожей. Привлекательная, сентиментальная и смешливая, Пичес была замужем за крупным бизнесменом значительно старше ее по имени Джонатан Макгуайр. Этот огромный краснолицый мужчина с бычьей шеей обладал довольно крутым нравом. Во всяком случае, так говорил мой отец. Но с супругой он был очень нежен, обожал ее и выполнял любое пожелание. А еще он слыл ужасным ревнивцем. Я помню, как мама говорила, что это выглядит жалко и ему нужно вести себя разумнее. Отец же отвечал, что ревность Джонатана небезосновательна, ведь Пичес флиртвала со всеми подряд,

а потом бежала к мужу и ластилась, точно котенок. Бедолага просто не знал, что и думать. И все же, несмотря на все это, Джонатан и Пичес прекрасно ладили друг с другом вплоть до того дня, когда после смерти старой миссис Биди в ее дом въехал Уильям Тилбери. Жилище покойной выглядело как приличный домик и очень подходило новому хозяину, работавшему кондитером. У него был собственный магазин под названием «Сладкий Уильям», и вскоре это прозвище закрепилось и за хозяином. Сладкий Уильям был молод, смугл, темноволос и весьма привлекателен. Он выглядел таким мягким, нежным и милым с его шоколадного цвета глазами, обрамленными длинными темными ресницами. Все женщины в округе считали его чудесным. Магазин приносил Уильяму большой доход, поскольку он прекрасно готовил. К тому же добрая половина покупательниц была в него влюблена, так что все они не упускали шанса заглянуть в магазин, чтобы побаловать себя кексом или пирожным. Но, кажется, с самого своего появления на нашей улице он положил глаз на единственную женщину — Пичес Макгуайр. Конечно, он был мил, дружелюбен, обворожителен и услужлив по отношению ко всем без исключения соседям. Но когда рядом оказывалась Пичес, он замолкал и лишь смотрел на нее своими большими карими глазами, словно попадал под влияние каких-то незримых чар.

Тут Тоби не выдержал:

— Бердвуд, ты решила надо мной посмеяться? Еще ни разу в жизни не слышал более глупой и слащавой истории! Я не верю ни единому слову.

Берди лишь пожала плечами.

— Если тебе не нравится моя история, могу замолчать. Ты сам попросил. — Она взяла в руки кружку и рассеянно сделала глоток.

Молчание затянулось. Пианист начал наигрывать одну из песен Синатры, и Тоби откашлялся.

— Полагаю, маленький негодяй все же забрался ей под юбку?

Берди вскинула брови.

— Думала, тебе неинтересно.

— Я такого не говорил. Просто... Словом, раз уж мы зашли так далеко, продолжай, ведь тебе этого очень хочется. И перестань дуться. Хочу узнать масштабы всей катастрофы.

— Тому, что случилось, — смягчилась Берди, — катастрофа — самое подходящее слово. Нежные чувства Сладкого Уильяма к Пичес Макгуайр стали предметом пересудов на нашей улице. Со временем они не ослабевали, а становились все более очевидными. К тому моменту, как состоялась рождественская вечеринка, о которой я веду речь, наш кондитер обожал свою соседку уже целых три года, и все вокруг видели, как она от этого устала. Чего только Пичес не делала, чтоб охладить его пыл. Держалась вежливо, отстраненно и много рассказывала о своем муже. Но ничего не помогало. Уильям продолжал сохнуть от любви, и каждый раз при виде предмета своего обожания в его глазах вспыхивала неподдельная мука. Джонатана подобное положение дел злило все больше и больше. И чем жестче он обходился с супругой, тем более мягким и нежным казался ей Уильям. Некоторым

женщинам очень трудно устоять перед таким трогательным и настойчивым обожанием. По крайней мере, я так слышала. Вокруг начали поговаривать о том, что буря неизбежна. И разразится она еще до наступления Рождества. Соседи даже разделились на два лагеря. Циники считали, что Пичес совсем не глупа и вскоре попросит Уильяма убраться из ее счастливой жизни в замке с очень богатым законным мужем. Романтикам же хотелось верить в то, что она увлеклась Уильямом так же сильно, как и он ею, и совсем скоро они сбегут из города, чтобы счастливо зажить. Как оказалось, и те и другие ошибались. Но лишь во времени. В тот год рождественскую вечеринку устраивали в доме Макгуайров. При сложившихся обстоятельствах могло показаться, что место выбрано неудачно, но ведь наступила их очередь. Никто своих услуг не предложил, да и Макгуайры молчали, поэтому все приготовили привычное праздничное угощение в надежде на лучшее. Моя мама всегда пекла песочное печенье, поэтому папа отправился к Сладкому Уильяму и купил печенье у него. Макгуайры, как обычно, потрудились на славу. В углу рядом с праздничным столом стояла необыкновенной красоты ель, расцвеченная красными и зелеными огоньками и украшенная сотнями серебристых игрушек. На стенах висели рождественские колокольчики, камин обрамляли ветви настоящего английского падуба, повсюду горели свечи, а из динамиков звучали рождественские гимны. Пичес улыбалась, но выглядела немного запыхавшейся и отрешенной. Она неотступно следовала за Джо-